

Евгений Вячеславович Казарцев родился в Санкт-Петербурге в 1972 году. Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, приглашенный профессор Дартмутского колледжа (США) и Гентского университета (Бельгия). Развивает современное направление исследования стиха, обозначенное как неоструктурализм. Изучает и преподает сравнительное стиховедение и историю европейского стиха. Имеет более 60 научных публикаций. Свои стихотворения публиковал в периодических изданиях и альманахах.

евгений казарцев
точка невозврата

ISBN 978-5-9904954-1-8

9 785990 495418

ЕВГЕНИЙ
КАЗАРЦЕВ

ТОЧКА
НЕВОЗВРАТА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К-14

Казарцев Евгений

Точка невозврата: стихи. СПб.: Вокзал, 2013. – 76 с.: ил. иллюстрации.

Корректор – О.В. Туркина

Рисунки, оформление, вёрстка – А.Н. Демьяненко

Обложка – М. О. Янсон

Стихи, представленные здесь, написаны в разных странах и в разное время, некоторые уже давно, иные совсем недавно, а в книжку они сложились только теперь. Это произошло на каком-то особом рубеже, осознаваемом их автором как точка невозврата, как переломный момент, когда чувствуешь, что прошлое уже завершилось, а будущее еще не наступило.

ISBN 978-5-9904954-1-8

© Казарцев Е.В., 2013

© Демьяненко А.Н., иллюстрации, дизайн, 2013

«МЫ ЖИВЕМ НА КРАЮ ВСЕХ ЕВРОП»

Евгений Казарцев родился и вырос в Ленинграде-Петербурге в университетской семье. Он начал сочинять рано, ему не было и 12 лет, когда он почувствовал, что посвятит себя литературе, будет писать стихи и изучать поэзию. Так и случилось, сначала он посещал кружок поэтов в Аничковом дворце (тогда Дворец пионеров), в старших классах учился в специализированной литературной школе № 27 на Васильевском. Затем поступил на филфак Университета, окончив его, остался в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию о связи русской и немецкой поэзии, преподавал на кафедре. Сейчас уже почти два года работает по гранту за границей, сначала в Америке, теперь в Бельгии. И все время он писал и пишет стихи, в начале 1990-х гг. занимался в студии О. Ю. Биенковской, в 2000-е посещал руководимое мною ЛИТО. Подборки его стихов опубликованы в центральных журналах.

Евгению Казарцеву принадлежит множество научных публикаций, посвященных стихосложению. Его интересует, каким образом устроен стих, откуда взялись и как развивались различные его формы у поэтов разных стран. Он читает лекции по истории и теории славянского и европейского стихосложения. В своих исследованиях Казарцев применяет так называемый «русский метод», зародившийся ещё в работах формалистов и развивавшийся в эпоху структурализма. Но в его стихах, несмотря на строгость формы, совершенно нет формализма. Это по-настоящему лирические, глубокие сочинения: петербургские по форме и по духу, они свободны, легки, в них чувствуется не только профессиональное владение техникой версификации, метрикой и рифмой, но и угадывается сложный ритмический рисунок, слышится особый мелодический контур, характерный именно для этого автора.

Стихам Казарцева не свойственна резкость, они мягки, напевны, их образы зримы, но контуры сознательно размыты, как бы снят фокус... Этим стихам присуща акварельность, не снижающая, а только усиливающая глубину изображаемого. Их строки сообщают нам глубокие лирические состояния души поэта, волнуют и невольно запоминаются. Многие из них посвящены осмыслению родного языка, родины, сделанные человеком, уже погруженным в контекст западной культуры. Находясь за границей, общаясь с русскими переселенцами разных поколений, поэт по-новому ощущает силу родного слова:

Родное наречие здесь приглушенной и реже
Звучит, но касается самых глубин
Сознания...

В поэзии Казарцева присутствует также чувство отрыва от родной ему петербургской среды и своего рода ностальгия, болезненное переживание этого состояния. Несмотря на лиричность, эти стихи пронизаны философским содержанием, которое дает о себе знать даже в зарисовках, в обычном голландском пейзаже:

Все же совсем не все меряется водой
В Низких Землях, где первобытный страх
И первородный грех принадлежат не той
Категории первопричин, что везде.

Казарцев подолгу работал в Германии и в Голландии, и посвятил этим странам немало стихотворений: «Берлин», «Скажи мне, где остались...», «Снова свист! Подъезжаем. Потсдам...», «Голландская не пойманная рыбка...», «Кружевная голландская суть...», «По отмелям Голландии весной...» и др. Живя в Америке, он особенно глубоко почувствовал красоту природы этого континента: «По раскинувшейся долине...», «В зелёных затоках белеют огни...», «В тумане сгорают листья, краснея, желтея. Ветер...». Последнее стихотворение завершается любопытным пассажем: «Кто думал ещё вчера, что могут вот эти скалы, // Этот вермонтский лес русским огнём гореть?» В своем роде, стихи Казарцева, несмотря на их «иностранный происхождение» тоже горят «русским огнем». Но поэт чувствует, что постепенно он пересек какой-то рубеж, отделяющий данное от приобретенного, романтизм молодости от опыта зрелости, исконную, родную культуру – от осваиваемой новой культуры.

Этот рубеж он осознает как точку невозврата. Очевидно, такую же точку проходит или прошло все наше общество: расставшись со страной, которая «нас вскормила», мы живем уже в другой стране, в совершенно ином обществе. Ощущение этого рубежа, пронизывающее наше сознание, хорошо передано в поэзии Казарцева. Тем не менее, в его творческих скитаниях обнаруживается определённый выход, роль которого берет на себя поэтическая память, позволяющая реконструировать прошлое, вернуть автора и читателя к родному, к первоначальному. Это сила, которая дает новый толчок к продолжению пути, импульс для развития:

Поезда на вокзале,
«Красные стрелы» памяти...

...
Светонепроницаемые дворы,
Ленинградская осень,
Лебеди в Летнем саду...

...
Все это «имущество» прошлого
Следует за тобой повсюду,
Из страны в страну,
Пересекает океан,
Поднимается в горы,
Тянет назад
И подталкивает вперед.

«Красные стрелы» памяти, явившиеся в точке невозврата, символизируют духовное возвращение к прошлому, в условиях, когда пройден незримый рубеж, разделяющий past и present.

Г.С. Гампер

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

POINT OF NO RETURN
GEEN WEG TERUG
PAS DERE TOURKEIN
WEG ZURUECK

Зачем ты снова идешь скитаться?
Брось, не в твои же годы
Болтаться где-то по пыльным дорогам,
Питаться водой из колодцев.
Не уходи хоть сегодня, останься.
Не выходи из дома –
Обещали осадки к ночи. Зачем же
Мокнуть? Поедешь завтра,
Прямо с рассветом.
Утро рассудит
Нас.

ОТЪЕЗД

Необдуманно просто
Я был верен судьбе.
С корабельного носа
Я спустился к корме
Для того, чтобы дальний
Разглядеть силуэт
Одинаковых зданий
Без особых примет.
Пароходик старинный,
Словно как на парад,
Мимо выцветших линий
Направлялся в Кронштадт.
Не жалея о прошлом,
Не теряясь в дали,
Уносил на ладошке
Тех, кого корабли
Ждут повыше, получше
Там за мысом, где ночь
Лишь мелькнет из-за тучи
И рассеется прочь.
Звезды вспыхнули ясно,
Как умывшись водой.
Я качался, как в яслях,
Как младенец, судьбой
Предназначенный к дальним
Переездам, увы,
Принимая скитанье
Как призванье судьбы.

БАЛТИЙСКИЙ ЦИКЛ

1.

Синее небо на тонкой обложке календаря
Долгое лето тянется до октября.
Длинные столбики ровно зачеркнутых дней –
Прошлое кажется будущего длинней.

2.

Мимо окон у самой биржи
Проплывают пустые баржи.
Мы не будем с тобою ближе,
Мы становимся только дальше.
Что ж, расстанемся и исчезнем
В этом мире таком просторном.
Где-то там за проливом тесным,
За распахнутым океаном
Скорость лайнера станет ниже,
И появится радость даже.
Что грустить? Мы не будем ближе.
Что грустить? Мы не станем дальше!

3.

Ребра моста расходятся,
Тень на воде исчезает,
Рыбы глазают в небо
И видят – колеблется воздух.
А город давно решился –
Перемигнулся с кем-то,
Кто дал ему на горизонте
Знак, и уходит в море.

В усы улыбается кайзер.
Его капитанский мостик
Усеян розами. Ветры
Попутные в спину дуют.
Прощай, дорогая крошка!
Во всем положишься на Вильгельма!
Семь футов под килем! Это
Не сон. Счастливой дороги!

4.

Этот берег седой
Был когда-то тобой
Как и мною любим,
Но теперь стал чужим,
Отдаленным от нас.
И не радуется глаз
Его сказочный вид,
Его красный гранит.

5.

*На стихотворение В. К. Тредиаковского
«Описание грозы, бывшая в Гааге»*

Вот тучи медленно идут
К нам из Кронштадта. И на стекла
Упали тихо капли. Блекло
Блеснула молния в саду.

Легка балтийская гроза,
Не так свирепа как в Гааге.
Не столько источают влаги
Разверзнутые небеса.

Стихия не ломает лес,
Ее масштаб не столь огромен.
Поменьше мощи в этом громе.
Скромней природа наших мест!

«Менталитет». Рисунок Андрея Демьяненко

* * *

В затянувшемся изгнание
Старых фраз скупая прелесть
Бесконечна как скитанье,
Притягательна как ересь.

Кто был вскормлен и воспитан
Соком выжатых империй,
Знает, этот мёд пропитан
Кислотою суеверий.

Лист желтеет. Безвозвратно
Вкусы, запахи пропали.
Отодвинут аккуратно
Мёд в нетронутым бокале.

Но свежи и яркие грозди
На картине на фламандской.
По стиху сильней, чем в прозе
Нашей позы эмигрантской

Разлилась густая нежность.
И любовь к родным пенатам
Превратилась в неизбежность.
Посочувствовав пернатым,

Скажешь: «Я ведь тоже родом
С севера». А на этюде
Не окончен ужин с медом
И лимонами на блюде.

* * *

В чужеземном краю, где длиннее июньская ночь,
Где часов на высокой стене еле слышны удары,
Мы застряли навек. Время мчится бессмысленно прочь.
И зеленая пена раскидистых крон Вассенара*

Поглотила тревоги, надежды, мечты без следа.
Нашу речь заглушает её необузданный шелест.
Мы не можем понять, для чего мы попали сюда.
В чем же суть испытания? В чём его прелесть?

Почему же, ответь, всё дороже становится нам
Этот сад загустевший и дюны вдоль моря, и ветер?
Почему обесценилось прошлое? Словно бы хлам
Мы выносим его, и как будто бы счастливы этим.

То, что мы сохранили от прежнего – только руда.
Здесь она выплавляется в новую форму незримо.
Ах, как сладко влюбиться в чужую страну, без труда
Становясь на скитальческий путь пилигрима!

* Вассенар – предместье Гааги

* * *

Здесь власть единицы, артикля, предлога, детали.
А целого нет. Ненамеренно липнут к губам
Слова нашей речи. Мы в сущности не сознавали
Их силы и смысла, и их обращенности к нам.

Родное наречие здесь приглушенной и реже
Звучит, но касается самых глубин
Сознания, кажется сладким и нежным, понеже
Мы прежде не ведали сочных его сердцевин.

Не слышали мощи густого и плавного слога,
Напева, который невнятен другим языкам.
Как голос единого и нераздельного Бога,
Пугающе сильный, неведомый прочим богам.

ОСЕННИЙ ВОЯЖ

1.

На бульварах солнце слепит витражи,
Жарче лета, краснее весны, во всю прыть
Разгорелась осень. Кому ни скажи,
Не поверят, что так может быть.

Блещет бронза сбруи, внезапный поток
Ветра поднял квадригу коней и она,
Полетела к солнцу, туда, на восток,
Над покровами рыжего льна.

Многоцветен, как экзотический мех
Многолюден, как будто Бухарский базар,
Этот город водит кругами нас всех
Золотой разостлав тротуар.

Точно общий праздник иль общий недуг,
Точно око, что зрит наяву и во сне,
Охватила осень, втянула в свой круг
Всех и вся, не оставив извне

Никого. Здесь всё подчиняется лишь
Её воли. Теперь красно-желтая масть
Входит в моду всюду. Всецело Париж
Принимает осеннюю власть.

Над витринами Елесеиских полей
Над тавернами, где куролесил Вийон.
Мчитса та из бронзы четверка коней.
Ни за что не догонишь её!

2.

В тумане стораеет листва, краснея, желтея. Ветер
Этот пламень раздул и бросил с восточных гор
На западные холмы, которые на рассвете
Вспыхнули быстро так и изумили взор

Тем сходством, которым вдруг всё оживилось. Стала
Яркой палитра вся – больно кругом глядеть!
Кто думал ещё вчера, что могут вот эти скалы,
Этот вермонтский лес русским огнём гореть?

3.

В зелёных затолах белеют огни.
Осенние сумерки. Снова одни
Мы скрыты. Исчезли из русских томов
Созвучия рифм. Возле Белых холмов
В дома пилигримов вселяемся мы,
Где ждать приближения скорой зимы
Мы станем, глотая туман по утрам.
Пусть белые вирши Коннектикут нам
Беззвучно диктует. Они потекут
Контрастным потоком в его изумруд.

4.

По раскинувшейся долине
В рыжем кольце рябин
Хвост распустил павлиний
Белоснежный туман – павлин.

Никому не понятен танец,
Что исполняет он,
Бледненький иностранец,
Среди красных и жёлтых кроп.

Необычны его движенья,
Чужд его вид. Смотри,
Чувствуешь приближенье
Теплокровной лесной зари?

Видишь, птицы над ним кружатся,
Как будто свивая нимб.
Все на него дивятся,
Но никто не танцует с ним.

И он начинает таять,
Внезапно выпустив «пар»
В белую птичью стаю –
Взмах на последнем па.

НИДЕРЛАНДСКИЙ АЛЬБОМ

1.

*...Не пойманные рыбы,
Беседуя друг с дружкой по-голландски,
Убеждены, что их свобода – смесь
Гравюры с кружевом...*

И. Бродский

Голландская не пойманная рыбка
Живет на иждивеньи королевы,
Как у Христа за пазухой, в пруду.
Чистейших голубых кровей источник,
Что расположен в дюнах Вассенара,
Заботливо питает водоем.
Здесь в аристократическом предместье
Пустой столицы начинает бредить
Сознание в ожидании весны.
В одном стихотворенье Леополда*
Весна преображает старый город
Стремительно. Едва ли о Гааге
Он это написал. Но нынче здесь
Всё в ожидание перемены. Каждый
Пусть не поэт, но чуточку эстет,
И верит: чудо совершит однажды
Оранжевая рыбка-майестет.

* Ян Хендрик Леополд (1865-1925) – голландский поэт-символист.

2.

Кружевная голландская суть
Повышает вниманье к детали –
Пелена, за которую чуть
В паутине канав не пропали

Городки, деревеньки, стада
Заплутавших овец. Обнаружить
Можно их без большого труда,
Приглядевшись к орнаменту кружев.

3.

Ни один отголосок случайным не будет. И даром
Не мелькнет ни одна из тобою увиденных улиц.
Дуги крыш и мостов над каналом
На пшеничную тень оглянулись.
Вот повозка летит по щербатому тракту
Вдаль, туда, где сливается с морем дорога.
Проплыви вслед за ней по широкому грахту*,
Помолись на пшеничное поле Ван Гога.

* Грахт – канал.

4.

Судьба занесет, дай ей волю, в такие края,
Где теплится жизнь в небогатых лачугах у моря.
Рыбак, согреваясь вином и не ведая горя,
Расскажет тебе, почему он считает, что зря
На свет появляются люди. Рыбацкая дружба
Не крепче вина, но сильнее привычной тоски,
Которая, в поисках жертвы сносив башмаки,
Доходит сюда, куда даже январская стужа
Пока не спешит. И по милости Бога Гольфстрим
Хранит эту землю от северных зим.

5.

Мы живем на краю всех Европ.
В деревеньке, прекрасной по-царски.
Перекресток асфальтовых троп.
Соль воды и земли вассенарской.
Здесь у берега слышится нам
Звон изысканных лейденских башен.
Мы приходим в разбуженный храм.
В храм, который становится нашим...

6.

По отмелям Голландии весной,
Ты выбегала на берег босой,
Не чувствуя ни ветра, ни волны,
Ни холода, ни дна, ни глубины.

Куда-то и зачем-то торопись,
Арабскую ты оставляла вязь
Следов неутомимых, влажных ног,
Вдоль моря убегавших на восток.

А за тобой, как множество зарниц,
Сверкала стайка пробужденных птиц.
И лунный луч летел по берегам
Но, обессилив, упал к ногам.

Вдоль вымерших рыбацких деревень
Скользила твоя дымчатая тень,
Струилась по воде и по песку,
Смывая горечь соли и тоску.

Никто не мог догнать тебя никак.
Луна погасла, и потух маяк.
Лишь цепи дюн в погоне за тобой
Все выше поднимали тёмный строй.

С востока приближающийся свет
Они закрыли. Но тогда в ответ
Быстрее ты помчалась и вдали
Как будто оторвалась от земли.

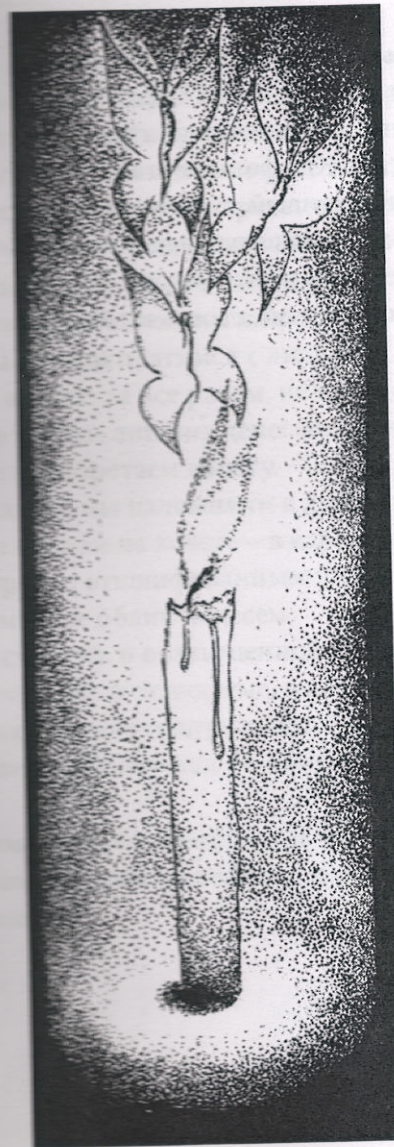

Рисунок Андрея Демьяненко

7.

Выпить темного пива, как в трюм,
Опустившись в подвал ресторана.
Пусть над нами велик и угрюм
Город тает. Как фата-моргана,
Как причудливый, странный мираж
Его призрак исчезнет над нами.
Распадется на части витраж
В разлинованной, стрельчатой раме.

8.

На «Талисе»* из Парижа в Амстердам,
Где Рембрандт глядит из золоченых рам,
Где вангоговская жгучая заря
Прорастает сквозь пшеничные поля,
Где мосты в вечернем мареве горят
Изумрудами, где медным невпопад
Перезвоном оглушают ездока,
Где в такси не на часы, а на века
Накатаем и расплатимся с лихвой.
За все вместе, за все разом, не впервой!
Мы не тратим лишних денег на мечту,
Мы ее приобретаем налету.
Мы аскеты, мы паломники в душе.
Мы не маслом на холсте – в карандаше,
Или просто отшлифованным углем
На бумагу ее облик нанесем.
Мы о строгой, о возвышенной красе
Размечтались в полудреме, в полусне.
На рассвете нам пригрезился Йордан**
И решили мы, что надо в Амстердам!

* «Талис» – скоростной поезд по маршруту Париж – Амстердам.

** Йордан – живописный район Амстердама, место проживания творческой интеллигенции.

9.

Порт в Амстердаме.
 Сюда забредешь подышать
 Морем. Но им и не пахнет.
 Вода стала пресной
 Как и голландская кухня. Суда –
 Иные еле шевелятся, другие уснули,
 Дополняя ночной пейзаж.

Китообразный паром
 С названием «Одесса»,
 Замазанным краской,
 Спит под греческим флагом.
 Залив поглощает все звуки
 И рыбьим нутром сознает,
 Что он полновластный
 Хозяин этой земли, пригодной
 Для тех, кто с ней привык расставаться.

Вода да борта кораблей,
 Да кирпичные стены,
 Да окна, в которых все та же вода
 Плещется, тычется в каждую щель,
 Точит камень,
 Стирает следы,
 Заполняет пространство.

10.

Все же совсем не все меряется водой
 В Низких Землях, где первобытный страх
 И первородный грех принадлежат не той
 Категории первопричин, что везде. Размах

Идей не уместен, а созерцательность и тоска
 Вполне допустимы даже в разгар гульбы.
 В этом царстве каналов, ветра, воды и песка
 Есть нечто похожее на верстовые столбы –

Внутренние устои. Все еще не исчерпан
 Их духовный ресурс! Ни на вершок с тех пор
 Они не сдвинулись, когда пал Антверпен,
 И первые корабли вошли в амстердамский порт*.

* Антверпен был взят испанскими войсками в 1576 г. Знать этого города
 мы впервые пересели в Амстердам, в результате чего был дан импульс
 для развития экономики и культуры на севере Нидерландов, а Амстер-
 дам заменил Антверпен в качестве главного морского порта.

11.

Залив ладонь протягивает мне.
На ней вдоль отмели два белых парохода.
Два острова, два города. Два года
Прошли в немногословной стороне.
Я возвращаюсь, в свете маяка
Залив и остров, как в руке рука.
И повинуюсь северным ветрам,
Небесные пересекая мили,
Фрегата желтого на тонком шпигеле,
Плывет навстречу роза, в Амстердам.

12.

Из звуков с улицы сложилось на столе
Еще непонятое слово.
Оно подобно пустоте ста лет
Беззвучия. Иного

В нём смысла не ищи. Смотри, как влёт
Ночь сцапала свою добычу
И в клюве к нам на стол несёт
Крупицы речи птичьей.

Чужая молвь не может поглотить,
Ня исцелить, ни приручить упрянца.
Крупицы рассыпаются. И нить
Ткача-голландца

Оборвалась. Ты зернышки не тронь!
Пусть падают на черно-белый
Неровный пол. Как неумело
Ты собираешь их в ладонь.

РЕЧЬ

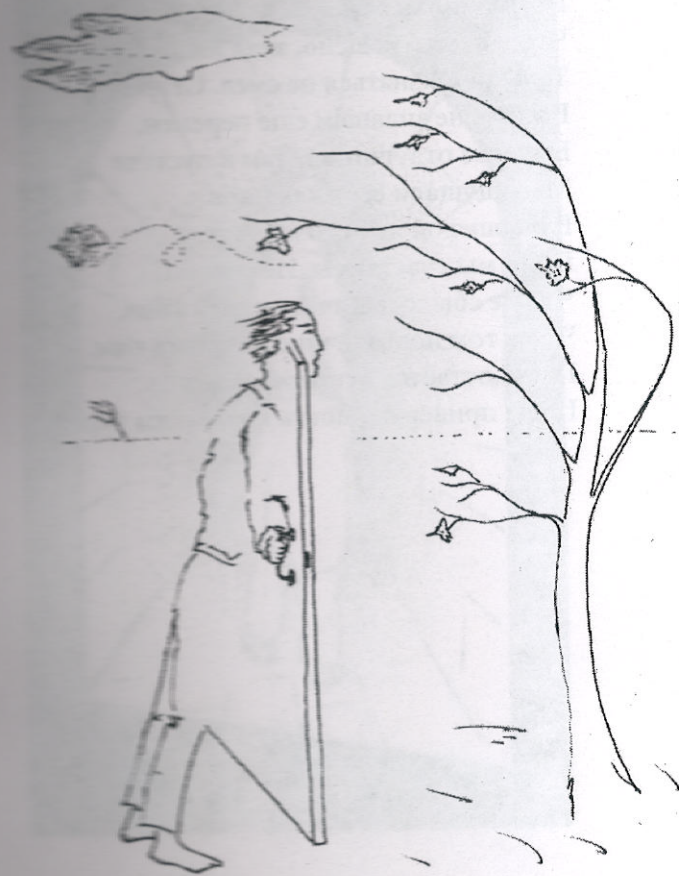
Речь, без которой нам не понять
Сути вещей и снов,
Речь, от которой нельзя отнять
Ни звука, из всех углов

Льётся, и наполняет собой
Быстрый, как ртуть, эфир.
Речь, чьё дыхание, как прибой,
Как долгожданный мир.

Внемлют ей горы и города,
И поселенья тех,
Которые ушли навсегда,
Прочь от мирских утех.

Преодолеет любой барьер,
Откроет любой засов
Речь – соединенье вер,
Переплетенье слов.

Она достучится до всех и вся.
Сила обычных фраз
Льётся как будто с небес, разя,
Одoleвает нас.

«Открытый ветру». Рисунок Андрея Демьяненко

* * *

Помнишь, мы пили коктейль как отвар.
Что в нем намешено, знал лишь бармен.
Только признаться не смел. Старый бар
В мире, не знавшем еще перемен,
Был нам отдушиной. Там в пустоте
Мы ощущали себя как цари.
В плюшевой яме его как нигде
Были мы счастливы. Не говори,
Что не сбылось ничего из тех снов,
Что в том подвальчике виделись нам.
Пусть остается основой основ
Наша приверженность к крепким парам!

Рисунок Андрея Демьяненко

АМСТЕРДАМСКИЕ КАНИКУЛЫ

Не сразу нам здесь повезло с ночлегом,
 Гостиницы были полны постояльцев.
 Надо было ночевать на барке,
 В одном из каналов, но мы не решились.
 И все-таки отыскали номер
 На две ночи с завтраком и постелью
 Во всю ширину комнаты.
 На всех улицах толпы народу,
 Не протолкнуться.
 Сняв в банкомате деньги,
 Мы стали их тратить с азартом.
 В этом потоке людей, товаров и цен
 Мы становились чужими друг другу,
 Не понимая, зачем
 Связаны необходимостью близости,
 Необходимостью трат.

Поезда на вокзале,
 «Красные стрелы» памяти
 Енисейских, дворники, снег,
 Клиновидная птичьих следов,
 Колонны собора, поцелуй,
 Оттепель, ржавый ручей,
 Велосипеды, перелетающие
 По гурбатовым мостам;
 Солнце, нежелающее
 Склониться к горизонту;
 Светонепроницаемые дворы,
 Ленинградская осень,
 Лебеди в Летнем саду,
 Святой Исаакий и Спас на Крови,
 Спящий по грудь в лесах, –
 Все это «обмущество» прошлого
 Следует за тобой повсюду,
 Из страны в страну,
 Пересекает океан,
 Поднимается в горы,
 Тинет назад
 И подталкивает вперед.

* * *

Паутиной нависла дождливая мгла.
С голубиных высот с крестовиной на грудке
Преогромный паук смотрит из-за угла
На Кривушу. Мокрополь играет на дудке.

И крылатые Львы поднимаются ввысь,
Повинуясь призыву волшебной свирели.
Отчужденный чудит. Ему шепчут «уймись!»
Чужаки у его беспокойной постели.

Павловск, Царское, Стрельна, – все тонет в тиши.
Львы летят над домами, но кончатся силы,
И они упадут там, в порту. Не спеши,
Не спеши просыпаться. Разбудят буксиры.

Баржи грузят грузины, китайцы киту
Затолкали жемчужину в глотку, а турки
Расплодили турфирмы. Увязли в бреду
Казино, рестораны, дворцы. В Петербурге

Оставаться не надо. Проснись, но не здесь!
Сон души пусть уносит тебя, осеняет
Золотыми крылами и присно, и днесь,
И вовек яко бдяща тебя сохраняет.

NY

Новый Амстердам!* Где ты теперь?
Твой островной остров
Вытнут так, что взглядом не охватить.
Есть побережья
Ожерельем огней резко взметнулась ввысь,
Поднялась к небу твой рваный профиль,
Ирландия под стать.
Скалы, в которых гнездились
Пленцы разных сословий и рас.
Шевелили губами, скрипели перьями,
Стучали на «ундервудах»,
Порождая волны культуры,
Наполненные розовый смог
Над Гудзоном.

Новый Амстердам – первоначальное название Нью-Йорка.

НА БРЮССЕЛЬСКИХ ФОТОСНИМКАХ

На брабантских широтах чудна природа
Не поймешь никак, что за время года.
Лето с осенью схоже. Зимой
Сыро, слякоть и дождь, как у нас в апреле.
Мы с тобой провести здесь всю жизнь хотели.
Но, что делать, пора домой.

Замки, церкви, дворцы, шевелюра кровель –
Петербургский размах и парижский профиль.
И бульвары с холма на холм
Нас низводят и вновь поднимают. Выше
Всех чертогов парят небоскрёбов крыши.
У подножия каменных волн

Дребезжат трамваи, как в старых фильмах.
Бизнесменов, клерков в костюмах стильных
Поглощает жидкий туман.
Этот город, мне снова и снова снится.
Он как будто не знает, что он столица
Всевозможных европейских стран.

И старается быть все ещё обычным,
Очень теплым и даже демократичным.
Словно раскопал ему в ущерб.
Пластикой альбомчик хрустящий, новый.
Фотоснимки яркие! На стометровой
Башне блещет победный герб.

Потрицайся с этим почти что раем.
Мы с тобой в нем больше не обитаем.
И закрой свой тугой альбом.
В чемодан его, да запри покрепче!
Словно те мечты, без которых легче.
Чтоб не сделаться их рабом.

* * *

Днем или при луне
В какой ни родись стране,
В какой ни скройся глуши
И как глубоко ни дыши, –
Воздух везде несвеж.
Каких ни носи одежд,
Тебя не спасет среда.
Мутнеет кругом вода –
В краях, и в римских чашах.
И в наших рядах, и в ваших
Вбитый чернеет клин.
Повсюду – музей руин!
В Питере и в Потсдаме
Гниет под дождями камень.
Со стритов и с авеню,
Как бы сводя родню,
С каналов, пробитых в глине,
С василеостровских линий
Один заурядный звук
Доносится – мерный стук
Шагов, каблуков прохожих,
Белых и темнокожих,
Цветных и бесцветных, разных,
Суетных, мелких, праздных.

Спутаны их следы.
Улиц, витрин ряды
В прищипанный сплелись клубок.
Увы, этот мир убог,
Испорчен, увы, везде.
В той самой горькой звезде
Нужды нет. Куда ни кинь –
Всюду одна полынть.

* * *

Далеко за мрамором, где скрыла ты облик свой, нимфа,
Не вышла ты приворот. Не спасли тебя тысячи строк
Без размера и рифмы написанных. Впрочем и рифма
Изменить ничего не смогла бы. Словесный поток

Исповест, увы! Лавры вянут и выцвели нимбы.
Польща-страсть возбуждать к себе чувства ещё не прошла.
Её поклонники стали взрослее и опытней – им бы
Твоей доле помочь, а они, закусив удила,

Оказались грустнее, обесшлётнее всяких Эдипов!
Сами рвутся в пьюты. Один за другим всё быстрее
Повдранят Парнас, свежим лавром и пурпуром нимбов
Обрежкая пивница своих молодых Дульсиной.

* * *

За морями без дна и без края
Жизнь твоя промелькнет без следа.
Ты скитаешься в поисках рая
И меняешь свои города.

На твоём календарике старом
Череда перечёркнутых дней.
Все сильнее тоска, но не стала
В этих странствиях вера сильней.

* * *

Я чувствую связь с тобою,
Полумечтой из детства.
Бежим мы смотреть с обрыва
На то, как под нами мимо,
Плывут корабли по белой
Воде, и ты из кокетства
Машешь рукой «капитанам»,
Как ты тогда говорила.
Тебя здесь нет, ты далече.
С одним из «них». Твои письма
Хотя еще и доходят,
Становятся все короче.
И я отвечаю реже.

* * *

— Воспоминанья —

*Голландия. И никакой плотинной
из не удержишь.*

И. Бродский

На этом диалекте
не публикуют книг,
Лишь только служба в храме,
одним на всю округу,
Приводится на местном
наречии. Язык
Понятный только Богу,
ремесленному люду,
Сотрудникам музеев
и очень мало тем,
Кто перескал в эти
края для поселенья
На новые пустыни,
намытые затем,
Чтоб увеличить площадь
Европы. Наводненья
Не редки. Склоны дамб
Перекрывают храм.
Голландия близка —
страна, как вам известно,
Сродни воспоминаньям.
В каком-то смысле здесь
Преддверие Голландии,
где смешан привкус пресный
С соленым и норд-вест
С охотой к смене мест.

МЕЧТЫ

1.

Мы в ту отправимся страну,
Где исчезают все невзгоды,
Куда для въезда нам ни квоты,
Ни визы не нужны. В вину
Не вменится пересечение
Без пошлины её границ.
Там в каждом пункте назначенья,
Почти без преувеличенья,
Найдешь любую из столиц.

2.

Да, остается только удивляться
Нам воплощенью собственной мечты.
Кто знают нас, конечно, не поверят
Тому, что мы нашли её приметы
В потёртых кружевах, в утробе трюма
На берег выброшенной шхуны. Ей
Не место в высыхающем канале,
В руинах заколоченной часовни,
В заросших дюнах, в скошенных полях.
И мельничных колес ей не показан
Унылый, мукомольный скрежет. Мы
И сами не рассчитывали встретить
Её, скитаясь в этом захолустье.
И оттого застигнуты врасплох.

МИРАЖ

Мираж растает, словно белый иней
Сойдет с густой травы.
И скажут, будто не было в помине
Ни Рима, ни Москвы.

А дерево сплавляется по рекам
Для стройки новых стен.
Течет вода разбуженного века
Беспривных перемен.

Ледяные гигантские громады
Плывут куда-то вдалеку.
Расставят дворцы и колоннады —
И будто бы не жаль!

Была одна избушка лубяная,
Другая из льда...
Течет в стенах великого Китая
Балтийская вода.

В ОЗЕРКАХ

Предместье это стало частью города,
Повытоптаны прошлого следы.
Старинная деревня смотрит молодо
Сквозь полуистребленные сады.

Повырубили липы над озерами,
Заколотили двери кабака,
И темпами неслыханными, скорыми
Взмывают небоскребы в облака.

И жизнь кипит. На узкой, пыльной улице
Выкладывают плиткой тротуар.
Дельцы скупают землю, деньги крутятся,
Возводятся поместья новых бар.

А мы с тобой у станции Шувалово
Всем этим измененьям вопреки
На чердаке ютимся уж без малого
Седьмой сезон. Мы любим Озерки.

ИЗ ОЗЕРКОВО

В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.

В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.

В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.
В Озерковском саду не цветут амстердамские розы.

БЕРЛИН

Весь этот город немислимо переиначен.
Все изменила война и поспешность застройки.
Дух буржуазной столицы во многом утрачен,
Но кое-где его признаки все-таки стойки.

Тонкие запахи, бодрые краски былого
Оберегает еще эта странная местность.
Хоть разбомбили здесь всё – но отстроили снова.
Виттенбергплац* со своим Кауфхаус дес Вестенс**

Вновь заблестала! Торгуют кругом магазины.
Пестрая бродит толпа, бестолково и праздно
Мимо бутиков, прилавков, глазев в витрины.
Ах, до чего хороша, до чего буржуазна

Эта торговая Мекка! Изящна на диво
Вся эта утварь. Подарки, коробочки, свертки.
Тает во рту шоколад под названьем «Годива» –
Рыжая леди с разорванной смотрит обертки.

* Виттенбергплац – одна из центральных площадей Западного Берлина.

** Кауфхаус дес Вестенс – досл. «Торговый дом Запада».

ТАЛЛИНН

Зават так вяло и почти бескровно
Сидит со сцены прочь.
День угасал. Так рано и так ровно
Распространялась ночь.

В сумных огнях у таллиннского порта
В сонные голубом
Вызвал внезапно и причалил гордо
Норвежский твой паром.

И ты спела на берег. У причала
Тыплелась катера.
Ты улыбнулась. Чайка прокричала
И спелась вечера

В один сплошной и небывалый зимний
Сиреневой пожар!
Ах, милая танцовщица, скажи мне,
Зачем нам этот дар?

Приводят две упругие пружины
В движение старый миф.
Ты видишь древних башенок вершины,
Над миром воспарив.

ЛЕЙДЕН

Здесь виршами исчерчены везде
На разных языках и диалектах
Глухие стены. И привычный глаз
Находит кириллические строки
Довольно быстро среди прочих. Сад
С оранжерей пальм, прудом и лугом
В любое время года поразит
Богатством сочетаний редких красок.
Наряжены соборы в кружева
Из камня темного. С заходом солнца
Здесь полноправно царствует вода.
В нее перетекает этот город
Как в лоно, из которого ему
Не выбраться до наступленья дня.

...
Мы уездем с тобой в Вассенар.
Никому ни прощанье ни слова!
Море, песок, песок и загар –
Все такое же как в Комарово.
Только пунтидобный рельеф
Цели выжженных дон бесконечен.
И раскатыстый нежен напев
Частиковый голландской речи.

РОТТЕРДАМСКИЕ МОТИВЫ

1.

Среди бела дня уничтожен
Был огромный голландский город.
Провалились мосты и башни,
Загорелся Святой Лаврентий.
Все закончилось в одночасье.
От пожара липы и клёны
Распустились в садах до срока.
Но святыню лечило время.
На скелет руины потомки
Нарастили утраченный облик.
Вновь сомкнулись под небом своды,
И под ними запели трубы
Задышавшего вновь органа.

2.

На Мавзе в старом Роттердаме
Разделались счастье и покой.
Мост маринистичный в тумане,
Выступый над вантами дутой,
Скитается связать то, что разъято
Стройной мыслью. Центры смещены.
Где душа, где тело, не понятно.
Но не слиты, а разобцены.
Раскачались этажи домов. Им счета
Нет уже. И мимо нас плывут
Не смыкаемые части свода.
Обесценен разумом уют.
Прочь душа стремится по теченью,
Не дотыкать нагруженным баржам.
Нет другого лучшего ученья,
Чем твоё – Эразм ван Роттердам.

* * *

*Sag mir, wo die Blumen sind,
Wo sind sie geblieben?**

Скажи мне, где остались
Твои цветы, Марлен?
Берлин сгорел. Расстались
Мы с ним на век. Взамен

Нью-Йорк слепит огнями –
Роскошный великан.
У берегов Майами
Искрится океан.

Скажи мне, где же, где же
Твои цветы? Затих
Седой Париж, всё реже
Ты вспоминаешь их.

Все прожито! Цветами
Тут не помочь, Марлен.
То не вернешь мечтами,
Что обратилось в тлен.

Уаза омывает
Нам ноги как раба.
Различная бывает
И у цветов судьба.

* Скажи мне, где цветы, где они остались? – слова из песни, которую пела Марлен Дитрих.

Свой сделали знаком,
Другие ветер смел.
Бушует, пропавший горем,
Сам ты себе завел.

Скажи, как ты спасла
Свои цветы, Марлен?
От самого вонзата
Ряды французских стен

Мелькает за окошком.
А вот пошла сады.
Еще совсем неконюшко!
Париж уснет, и ты,

Не думай о прошлом
Мечтай, глубоким сном
В своем любимом нежных
Забудешься Паром

Плывет нас по Уазе,
Не знавший перемен.
В вековой вазе
Твои цветы, Марлен.

* * *

Берлин! Бери меня снова!
Вводи в свой воскреснувший мир
Со множеством площадей,
Чинных домов вдоль штрассе,
В свою меру честности,
В свою долю скромности,
Вежливой буржуазности.
Я не к святой обители
Иду молить о прощении.
Я лишь ищу утешения
В человеческом море. И мне
Все больше и больше нравятся
Твои кабачки и бары,
Твои бутики и лавки.
Улыбки твоих продавцов.
Не в них ли сама любезность?
Не в них ли твоя гуманность?
Любовь к человеку без святости,
Пожалуй, милее варварства,
Верующего в святош.

НИКИТИНСКОМУ

Что ждёт, триумф или позор?
Завыл шарф у нимфы,
Изыбракает страсть танцор.
Встывает без рифмы

Его прыжки уже воспел
Писец французский.
Расстерян в жизни, в танце смел
Катапан русский.

Не наступиться б, не задеть
Амбиций друга.
Но не удастся запереть
Талант. А ну как

Ему уехать от беды -
И отпустили...
Что надвигает? Близень воды,
Иль слабость к сетле?

Вот океан шумит в ушах.
 Не видно суши.
 Один неосторожный шаг –
 И ты не нужен.

Почетный гражданин Перми
 Ревнует шумно.
 Контракт разорван, за дверьми
 Артист безумный.

Уйти со сцены не беда!
 Пусть как награда
 Незримо вянет у бедра
 Гроздь винограда.

И нет упрека ни на грош!
 Он сходит плавно.
 Сознание гаснет. Только дрожь
 В коленях фавна.

ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ

Жизнь не убийца,
 жертв ей не надо.

Если мы любим,
 есть сильнее

Можно поверить,
 высшая плата

Не оставит
 нас перед ней.

Умер Гавриилский,
 но на балконах

Всё еще дышат
 рыны в горшках.

Вышли на сцену
 мы в балконах –

Запрещены
 в наших прыжках

Проживет танда
 свежие сети.

Земле вечные
 вырвались сны.

Жизнь не течение
 остановила

Самой Священной
 Нашей Весны!

* * *

На берегу залива рестораны
Полны, шумны. Мы забрели сюда,
Где новой, лучшей жизни господ
Пируют в окружении охраны.

Вот заведение в японском стиле.
Оно считается элитным. Пусть!
Нам здесь не место, но был столик пуст,
И нам его любезно предложили

Занять. Сидим ни в море, ни на суше,
На склоне дюн, почти что на песке.
Пытаемся усвоить вкус саке
И убедить себя, что любим суши.

Да, tempora mutantur! Стали шире
Возможности и вкусы. Что ж, друзья,
Вкус вкусу не указчик, не судья,
Тем более в многополярном мире.

* * *

Уходи, дверь закрой.
Ты чужой, ты другой
Твое место не здесь.
И ты сам не лезь.

Уходи, уходи,
Твой успех впереди!
Тень упала у ног
На зашпатель порог.

Уходи, тартикс.
Прочь на лестнице вниз.
Никогда, никогда.
Ни слезы, ни следы.

Вот и все. Ты уйдешь.
Поларада и дрокь
В поле. Ноги в снегу
Полуремеслом губ

Вот утренний закат.
Славу, струны дрожат,
Но мелодии нет,
И не падает свет

На подставку для нот.
Развалившийся кот
Как обычно ленив.
Позабытый мотив

В дребезжащем стекле
Отзывается мне.

.....

Постыжусь забыть эти звуки!
О чем они могут напомнить тебе?
Вспомнить, добавленный слог о разлуке
Привет-здравствуй. На первой стопе
Звучит деревоб как синонима удачи.
Как жукам не верить? Как им не служить?
Как не оставить себе сверхзадачи
Твой образ на звуки слова разложить?

ПУТЕВЫЕ ЗАРИСОВКИ

1.

Этот город не будет забыт, как не будет забыта молитва,
 Та, с которой ты обращалась к нездешним богам.
 Твой источник всегда будет чист – и останется книга раскр
 И вода будет вечно бежать, припадая к чужим берегам
 Неизменно и предано. Счастье иное
 Ни к чему! Ты его не старайся найти.
 Эта мельница будет крутить колесо водяное
 Еще тысячу лет у воды на пути.

2.

Сквозь сон звенят затверженные ритмы
 В глухом сознание. Ночь
 Наслушавшись набегов рифмы
 Скользнула прочь.
 Никто не потревожит. Ожидание
 Не обмани. Грешно!
 Как жаль, что ясно все и так заранее
 Предрешено.

3.
 В деревне замирает под вечер жизнь,
 На дороге садится пыль.
 Вот монах идет мне навстречу. «Скажи,
 Далеко ли твой монастырь?»
 Далеко ли отсюда обитель твоя?»
 «Далеко!» – отозвался он.
 В ту минуту как будто услышал я
 Вдали колокольный звон.

4.
 Турция – нелепое дело,
 Случайные впечатления:
 Пляжники, дворик, стена,
 Угрюмое лицо.
 Сидеть, дитяние кофе,
 Слушать сказки
 И крушить профиль
 Давно.

5.

Ты помнишь, медленно вращалась карусель –
Скользили в воздухе рисованные сани.
И нам казалось, что как будто сами
Они летят, и кажется теперь,
Что вновь они у нас перед глазами.
И так всегда, когда не по себе,
Мы безотчетно напрягали память,
И в знак того, что счастье было с нами
Нам вспоминалась эта карусель.

6.

Снова свист! Подъезжаем. Потсдам.
Потянись-ка рукою к росткам
Этой зелени. Снова с тобой
Та же женщина с той же судьбой.
Не расстаться никак нам. И прусская синь
Застывает в парадном стекле Сан-Суси.
И две рыжих собаки, пробегая сквозь сад,
Замирают в узорах оград.

7.

Малы чужой стороне живем
Тысяча с половиной года.
Чувства сматы у нас дождем,
Как следы ненужной заботы.
В аллее стальные блестит звезда
На хрустальной подвеске лампы.
Ночь безжизненна и пуста,
Как пространство моря за дамбой.

8.

Каждо пролетают птицы,
Те кажется небо зыбким.
Мелькают в вагонах лица,
Калеса гремят о стыки.

Провозится длинный поезд
Синей, широкой лентой.
Слышишь, кричали. То есть
Кто-то прощался с кем-то.

Потом замелькали лица,
Потом пробежали блики.
И вот пролетают птицы –
И небо кажется зыбким.

* * *

Наверху на короткий срок
Ты снимала просторный номер.
На балкон приносило песок
Ветром с моря.

Неразрывно сплетенье рук,
Но внезапно ты слышишь тонкий
Звук прощанья в потухшем вдруг
Лунном гонге.

В то, что преданность не мираж,
Мы уже научились верить.
Но пустеет заросший пляж.
Голый берег

Освещают лишь звезды и
Две террасы кафе, пустея.
Стихли звуки над гнездами
Там в аллеях.

Только музыка вверх летит
Под большое окно, откуда
Нам откроется славный вид
Завтра утром.

А потом стайки белых птиц
За тобою навстречу солнцу
Полетят по наклонной вниз –
К горизонту.

* * *

С птичьего полета этот город
С чуждым названием
Выглядит сказочным и
Не родным. Как он встретит тебя
Через четверть часа?
Изменения в его облике или
Приметы прошлого
Уже не повлияют так сильно,
Как это бывало раньше,
Ведь ты ко всему привык.
Приучился подолгу отсутствовать,
Быть гостем в собственном доме,
Говорить на родном наречии
Медленно, как бы вспоминая слова.
Меняя положение в пространстве,
Надеешься обмануть время.
Но тщетно. Вокруг
Все меняется быстрее нас.
Только погода здесь, как всегда,
Серенькая. Идет дождь.
Желтеют деревья, трава.
Пенится залив. Дыхание осени
Как всегда рано
Коснулось этих мест.
Тебе ведь это знакомо?
Вот характерный удар –
Выпустили шасси.
И сердце, замирая,
Ждет завершения
Посадки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Воротишься на родину. Ну что ж...

И. Бродский

Воротишься на родину, и вновь
Не дым, а чад, не полумрак, а темень.
Холодных облаков нависло бремя,
И в жилах улиц застывает кровь.

Как тускл их свет и как невнятен звук!
Как низкорослы зданий кавалькады!
Позвольте, где же спящие громады?
Позвольте, это что же, Петербург?!

Нелепыми огнями освещён
Проспект, который выглядел Бродвеем
В мальчишеском сознании. Трезвеем
Мы медленно. Но думаем, «ещё

Все может сбыться». Не сбылось уже!
Не лучше ли совсем уйти и скрыться
За тридевять земель и за границей
Мечтать о петро-дивном мираже?

Что всматриваться в острова ладонь,
Изрезанную линиями жизни?
К чему гаданья?! Умереть в отчизне
Доводится не всем. И медный конь

Уносит к голубиным нас горам
За океан. Поэта двух Венеций
Туда сослали. Позже приглядеться
К тем берегам позволили и нам.

* * *

*Лети по воле волн, кораблик...**И. Бродский*

Течет вода в каналах,
Луна плывет в кровать.
Я в странах небывалых
Мечтаю побывать.

Я снова море вижу
Во сне как наяву
И мимо старой биржи
На корабле плыву.

Зачем? Куда? Не надо!
Но не свернуть с пути.
Я точку невозврата
Уже успел пройти.

Мне это стало ясно
По множеству примет.
Но для чего? Напрасно
Хочу найти ответ.

Не разумея, сам ли
Я выбрал этот путь,
Твержу: «Плыви, кораблик!»
А там уж как-нибудь.

СОДЕРЖАНИЕ

«Мы живем на краю всех Европ»	3
Зачем ты снова идешь скитаться?	7
Отъезд	8
Балтийский цикл	
1. Синее небо на тонкой обложке календаря	9
2. Мимо окон у самой биржи	9
3. Ребра моста расходятся	10
4. Этот берег седой	10
5. Вот тучи медленно идут	11
В затянувшемся изгнание	13
В чужеземном краю, где длиннее июньская ночь	14
Здесь власть единицы, артикля, предлога, детали	15
Осенний вояж	
1. На бульварах солнце спит витражи	16
2. В тумане сгорает листва, краснея, желтея	17
3. В зелёных затоках белеют огни	17
4. По раскинувшейся долине	18
Нидерландский альбом	
1. Голландская не пойманная рыбка	19
2. Кружевная голландская суть	20
3. Ни один отголосок случайным не будет	20
4. Судьба занесет, дай ей волю, в такие края	21
5. Мы живем на краю всех Европ	21
6. По отмелям Голландии весной	22
7. Выпить темного пива, как в трюм	24
8. На «Талисе» из Парижа в Амстердам	25
9. Порт в Амстердаме. Сюда забредешь подышать	26
10. Все же совсем не все меряется водой	27
11. Залив ладонь протягивает мне	28
12. Из звуков с улицы сложилось на столе	29
Речь	30
Помнишь, мы пили коктейль как отвар	32
Амстердамские каникулы	34

Поезда на вокзале.....	35
Паутиной нависла дождливая мгла.....	36
N.Y.....	37
На брюссельских фотоснимках.....	38
Днем или при луне.....	40
Далеко за морями, где скрыла ты облик свой, нимфа.....	41
За морями без дна и без края.....	42
Я чувствую связь с тобою.....	42
На этом диалекте.....	43
Мечты	
1. Мы в ту отправимся страну.....	44
2. Да, остается только удивляться.....	44
Мираж.....	45
В Озерках.....	46
Лефортово.....	47
Берлин.....	48
Таллинн.....	49
Лейден.....	50
Мы уедем с тобой в Вассенар.....	51
Роттердамские мотивы	
1. Среди бела дня уничтожен.....	52
2. Некогда на Маасе, в Роттердаме.....	53
Скажи мне, где остались.....	54
Берлин! Бери меня снова!.....	56
Нижинскому.....	57
Весна священная.....	59
На берегу залива рестораны.....	60
Уходи, дверь закрой.....	61
Пустая затея любить эти звуки!.....	63
Путевые зарисовки	
1. Этот город не будет забыт.....	64
2. Сквозь сон звенят затверженные ритмы.....	64
3. В деревнях затихает под вечер жизнь.....	65
4. Туризм – нелепое дело.....	65
5. Ты помнишь, медленно вращалась карусель.....	66

6. Снова свист! Подъезжаем. Потсдам.....	66
7. Мы в чужой стороне живем.....	67
8. Когда пролетают птицы.....	67
Наверху на короткий срок.....	68
Вечно сумрачный Гент.....	69
С птичьего полета этот город.....	70
Возвращение.....	71
Течет вода в каналах.....	72

ISBN 978-5-9904954-1-8

Казарцев Евгений Вячеславович
ТОЧКА НЕВОЗВРАТА
Стихи

Корректор – О.В. Туркина

Рисунки, оформление, вёрстка – Демьяненко А.Н.

Обложка – М. О. Янсон

Тираж 1000 экземпляров.
Издательство «Вокзал». 197082, Санкт-Петербург,
ул. Туристская, 24/42, кв. 181. Отпечатано там же.